

О ФЕХТОВАНІИ НА РУЖЬЯХЪ.

СОКРАЩЕНІЕ И ВЫЯСНЕНІЕ ПРИНЯТЫХЪ ПРАВИЛЪ ДЛЯ ОВУЧЕНІА
УПОТРЕБЛЕНІЮ ВЪ ВОЮ ШТЫКА.

(Статья первая.)

I.

Когда начинаешь говорить объ одной изъ сторонъ обученія солдата, невольно приходятъ на мысль весь курсъ его обученія и, главное, время, которое дается солдату на это обученіе.

Курсъ одиночнаго обученія солдата вовсе не такъ малъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, въ особенности если (какъ и слѣдуетъ) обучить всему требуемому отчетливо каждаго солдата. Обученіе *фронтowymi обязанностями* требуетъ нѣсколькихъ занятій: а) одиночная выправка: стойка и маршировка; б) ружейные приемы и правила отданія чести въ различныхъ случаяхъ; в) правила равенія, захожденія, ломки фронта; г) правила рассыпнаго строя, *сигналы* и правила для дѣйствія въ бою. Далѣе: *стрѣльба*: а) разборка, чистка, сборка ружья и правила сбереженія его въ различныхъ случаяхъ; б) теорія стрѣльбы; в) практическая подготовка къ стрѣльбѣ: прикладка, прицѣлка, спускъ курка, и г) стрѣльба капсюлями; д) обученіе глазомѣру, хотя бы на дворѣ своихъ казармъ. Затѣмъ слѣдуютъ: *фехтованіе*; *гимнастика*: а) пригготовительная и б) машинная; *знаніе службы*: а) внутренней; б) гарнизонной; в) полевой; г) знаніе военно-уголовныхъ законовъ; д) положенія о взыскаііяхъ дисциплинарныхъ; е) знаніе особъ Императорской Фамиліи, начальниковъ по чинамъ и фамиліямъ, знанія отличій своего полка и знаніе получаемаго отъ казны довольствія. Наконецъ, *грамота*: а) чтеніе и письмо и б) ариѳметика.

Итого *шесть* главныхъ отдѣловъ солдатскаго курса, изъ которыхъ большая часть подраздѣляются на нѣсколько предметовъ.

Какъ бы то ни было, всѣ перечисленные предметы надо солдатамъ объяснить, разъяснить непонятое, провѣрить степень пониманія каждаго солдата, обучить тому же дѣлу практически и провѣрить уже на практикѣ знаніе каждаго; нако-

нецъ, доучить тому же малоспособнаго или лѣниваго. Для обученія надо учителей, а потому слѣдуетъ подготовить и проверить и самихъ учителей.

На все это необходимо время. Офицеры, которыхъ занимаетъ современное разумное обученіе солдата, которые хотятъ сдѣлать изъ него хорошаго защитника отечества, полагаютъ, что если бы солдату на цѣлый годъ дана была свобода отъ всякой вышней службы, и если заняться только однимъ его обученіемъ, то, кажется, можно было бы въ этотъ годъ образовать солдата совершенно согласно желаніямъ и цѣлямъ правительства.

Но внутренняя служба, караулы въ городахъ, смотры, большіе и маленькіе, часто неожиданность ихъ, исключительныя къ нимъ подготовленія, пригонка амуниціи, осмотръ одежды, отказы смотровъ на нѣсколько дней—все это такія условія солдатской жизни, о которыя разобьются всякія системы обученія солдата, а между тѣмъ ихъ надо принять какъ фактъ, съ которымъ покуда слѣдуетъ примириться. Изъ этихъ условій вытекаетъ еще одно очень важное условіе, которое препятствуетъ болѣе быстрому обученію солдата—это отдыхъ солдата, время, которое онъ могъ быть совершенно свободнымъ. Это условіе важно особенно въ видахъ сохраненія здоровья солдата. Если ко всѣмъ условіямъ прибавимъ еще праздники, то можно положительно сказать, что каждый солдатъ имѣетъ въ мѣсяцъ отъ 6 до 10 дней, среднее—8 дней, совершенно свободныхъ отъ службы и посвященныхъ одиночнымъ занятіямъ въ четыре зимніе мѣсяца: ноябрь, декабрь, январь и февраль, такъ какъ почти до ноября солдатъ отпускается на вольныя работы; въ мартъ бываютъ преимущественно одиночные смотры; въ апрѣлѣ уже зеленѣетъ поле.

Чтобы нагляднѣе видѣть, сколько придется часовъ на изученіе или хотя повтореніе (для старыхъ солдатъ) cadaго предмета изъ программы солдатскаго курса, мы распредѣлимъ эту программу на тѣ восемь свободныхъ дней, которые можно посвятить ежемѣсячно для одиночныхъ занятій.

Для этого назначимъ занятія отъ 8 до 11 часовъ утра и отъ 3 до 5 пополудни, итого пять часовъ въ сутки.

1-й день. Отъ 8 до 8¹/₂ часовъ утра—сборъ на занятія, прикладка для практики (минуть 10) и распредѣленіе по классамъ для занятій грамотою.

Отъ 8¹/₂ до 10 часовъ утра — грамота.

Отъ 10 до 11 часовъ утра — повтореніе правилъ приготовительной гимнастики.

Отъ 3 до 5 часовъ пополудни—названіе частей ружья, правила сборки и разборки, чистки и сбереженія оружія.

2-й день. Отъ 8 до 8¹/₂ часовъ утра — то же, что и въ первый день, но вмѣсто прикладки—приготовительная гимнастика въ видахъ гигиеническихъ.

Отъ 8¹/₂ до 10 час. утра — грамота.

Отъ 10 до 11 час. утра — чтеніе теории стрѣльбы.

Отъ 3 до 4¹/₂ час. пополудни — чтеніе положенія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ.

Отъ 4¹/₂ до 5 час. пополудни — для молодыхъ и отставшихъ отъ другихъ старыхъ солдатъ — фронтова занятія.

3-й день. Отъ 8 до 8¹/₂ часовъ утра — прикладка.

Отъ 8¹/₂ до 10 час. утра — чтеніе теории стрѣльбы.

Отъ 10 до 11 час. утра — фехтованіе.

Отъ 3 до 5 час. пополудни — военно-уголовные законы (*).

4-й день. Отъ 8 до 8¹/₂ час. утра — предварительная гимнастика.

Отъ 8¹/₂ до 10 час. утра — грамота.

Отъ 10 до 11 час. утра — подробныя правила заряжанія, прикладка и прицѣлка со станка.

Отъ 3 до 4¹/₂ час. пополудни—чтеніе о гарнизонной службѣ.

Отъ 4¹/₂ до 5 час. пополудни — для отставшихъ—фронтова занятія.

5-й день. Отъ 8 до 8¹/₂ час. утра — прикладка.

Отъ 8¹/₂ до 10 час. утра — грамота.

Отъ 10 до 11 час. утра — фронтовая выправка.

Отъ 3 до 5 час. пополудни — сигналы и барабанные бои, съ объясненіемъ правилъ разсыпнаго строя и правилъ для дѣйствія въ бою.

6-й день. Отъ 8 до 8¹/₂ час. утра — предварительная гимнастика.

Отъ 8¹/₂ до 10 час. утра — грамота.

Отъ 10 до 11 час. утра—прикладка и прицѣлка со станка.

Отъ 3 до 4¹/₂ час. пополудни — полевая служба въ мирное и военное время.

(*) Можеть показаться, что чтеніе законовъ въ продолженіе двухъ часовъ неудобно, но надобно имѣть въ виду, что это не одно чтеніе, а вмѣстѣ толкованіе и опросъ каждаго человѣка: знаетъ ли онъ то, что ему прочтено.

Отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 час. пополудни — сигналы и бои безъ подробныхъ объясненій.

7-й день. Отъ 8 до $8\frac{1}{2}$ час. утра — приглядка.

Отъ $8\frac{1}{2}$ до 10 час. утра — грамота.

Отъ 10 до 11 час. утра — ружейные приемы.

Отъ 3 до 5 час. пополудни — внутренняя служба, остальные знанія службы; глазомѣръ.

8-й день. Отъ 8 до $8\frac{1}{2}$ час. утра — предварительная гимнастика.

Отъ $8\frac{1}{2}$ до 10 час. утра — стрѣльба капсюлями.

Отъ 10 до 11 час. утра — чистка ружей послѣ этой стрѣльбы.

Отъ 3 до $4\frac{1}{2}$ час. пополудни — осмотръ ружей, повѣрка вещей въ отдѣленіяхъ.

Отъ $4\frac{1}{2}$ до 5 час. — для отставшихъ — сигналы.

9-й день то же, что первый, и такъ далѣе. Въ этомъ распредѣленіи занятій можно сдѣлать нѣкоторыя перестановки и дополненія, въ особенности на вторую очередь слѣдующихъ восьми дней. Такъ послѣобѣденныя чтенія могутъ быть замѣнены другими занятіями, въ которыхъ замѣчена слабая степень знанія, или ближайшими къ смотру и дополнены гимнастикой на машинахъ, которою зимою вообще занимаются мало.

Если восемь дней помножить на четыре (т. е. число мѣсяцевъ), получимъ 32. Положимъ, что этихъ дней будетъ больше, но такой избытокъ долженъ быть употребленъ на провѣрку и подготовленіе учителей, что необходимо: иначе и въ остальные 32 дня будетъ сдѣлано очень мало. На любой изъ перечисленныхъ предметовъ солдатскаго курса, кромѣ грамоты, конечно, можно отдѣлать во все зимнее время, безъ особеннаго вреда для другихъ занятій, пять, много восемь и уже очень много — десять часовъ, между тѣмъ какъ солдату недостаточно знать дѣло по теоріи: надо еще, въ большей части случаевъ, намѣтаться въ быстротѣ и ловкости выполненія.

Очевидно, времени очень мало. Но хотя мы уже сказали, что время обученія солдата обусловливается службой, обстановкой и здоровьемъ солдата, тѣмъ не менѣе, если въ продолженіе двухъ лѣтъ службы не поставить массу солдатъ на ту степень, чтобы каждый изъ нихъ владѣлъ, такъ сказать, своей наукой, то это уже будетъ старое, отжившее правило: „вѣкъ учиться и ничему не выучиться“.

Удовлетворить требованію скораго и нетягостнаго для сол-

дата обученія можетъ только разумная сокращенность этого обученія.

Мнѣ кажется, если бы молодые офицеры смѣлѣе вглядывались въ подробности обученія солдата, ихъ свѣжій умъ наткнулся бы на многія рутинныя мелочи обученія и многія изъ этихъ мелочей осмыслились бы, другія отбросились бы, а въ результатъ было то, что если бы даже солдатъ явился на смотръ обученный не хуже и не лучше другихъ, то за то гораздо меньше трудился бы для даннаго успѣха, а если бы трудился столько же, какъ и другой, обучающійся не подъ надзоромъ знающаго офицера, то успѣхъ его былъ бы несравненно выше послѣдняго. Живое участіе офицеровъ въ этомъ случаѣ неминуемо повело бы къ развитію разумнѣйшаго обученія солдата по всѣмъ статьямъ солдатскаго курса.

При обученіи солдата есть много требованій отъ него, очень простыхъ на первый взглядъ, но которыя, для того, чтобы быть дѣйствительно простыми, требуютъ отъ учителя отчетливаго и яснаго толкованія. Часто слышишь, говорятъ солдату: „дѣлай то-то быстрѣй“. Быстрыйъ отъ природы и сдѣлаетъ быстро; но дѣло обученія военной массы въ томъ и состоитъ, чтобы слабаго и небыстраго сдѣлать сильнымъ и быстрымъ искусственными средствами, то есть показать ему способы, какъ дойти до этой силы и быстроты: тогда съ каждымъ ученъемъ ученикъ будетъ чувствовать свой собственный успѣхъ. У насъ, напри- мѣръ, милліонъ воиновъ стоятъ въ строю и движутся: требуется, чтобы каждая единица этого милліона стояла и двигалась хорошо; но извѣстно также, что она можетъ стоять и двигаться нехорошо, хотя, кажется, нѣтъ для человѣка дѣла проще, какъ стоять и ходить. Слѣдовательно, должна быть своего рода теорія, помощью которой можно бы было неуклюжее и неповоротливое тѣло привести въ тѣло стройное и легкое. На практикѣ такое превращеніе можно сдѣлать и безъ всякой теоріи лѣтъ въ пять, шесть, помощью напominаній солдату правилъ „Рекрутскаго Устава“ и угрозыливыхъ замѣчаній, и на это способенъ всякій современный унтеръ-офицеръ, имѣющій опытность въ этой наукѣ. Съ помощью же теоріи можно обучить солдата тому же самому въ два, три дня. Уставъ требуетъ *что* надо сдѣлать; теорія показала бы *какъ* легче и быстрѣе достигнуть выполненія этихъ требованій. И, вѣроятно, со времени основанія потѣшныхъ при Петрѣ I не одинъ учи-

Т. III. Отд. II.

тель составилъ себѣ собственную свою теорію шага и стойки; но она канула безслѣдно для грядущаго поколѣнія.

Я знаю, что такое горькое мое соболѣзнованіе о потерѣ теоріи шага и стойки вызоветъ улыбку на лицѣ многихъ читателей; но улыбка можетъ быть только при временномъ забвеніи о той тяжелой доли, которую вынесъ нашъ солдатъ въ продолженіе столѣтія, постоянно въ то же время покрывая лаврами свое имя....

Участіе къ солдату въ мельчайшихъ частяхъ его обученія есть дѣло не одной только гуманности: быстрое усовершенствованіе солдата есть одинъ изъ путей быстрого возростанія его славы, которую отечество имѣетъ полное право требовать отъ воина. Поэтому для выигрыша времени при занятіяхъ, наиболѣе важныхъ для солдата въ бою, надо ускорить и обученіе такимъ предметамъ, которые имѣютъ второстепенное значеніе, хотя и входятъ въ кругъ требованій солдатскаго образованія. Требования же, какія бы они ни были, „должны быть всегда отчетливо исполнены“.

Внимательное изученіе подробностей солдатскаго курса образованія непременно повело бы къ разъясненію полезности или бесполезности этихъ подробностей, вслѣдствіе чего упростились и сократились бы наши рекрутскія школы. Такъ, уже годъ тому назадъ, было заявлено въ „Военномъ Сборникѣ“ о возможности сократить количество нашихъ сигналовъ. Подобныя статьи, по моему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Развитіе теоріи въ мелкихъ частностяхъ обученія имѣетъ еще и ту полезную сторону, что современному офицеру надо будетъ два часа времени для того, чтобы стать опытиѣе самаго опытнаго современнаго унтеръ-офицера, между тѣмъ какъ и понынѣ каждый изъ насъ доходитъ до знанія мелочей, присущихъ солдату, путемъ годовыхъ опытовъ, и то уже тогда, когда мы сознаемъ явную необходимость стать во всѣхъ случаяхъ выше своего подчиненнаго.

Обратимся къ предмету нашей статьи.

Съ появленіемъ у насъ занятій гимнастикою, офицеры сами занимались ею вмѣстѣ съ солдатами, но не въ видахъ помощи солдату, а такъ, для потѣхи, въ которой нельзя отрицать и добраго желанія. Но, при этомъ, въ глазахъ солдатъ преимущественную роль играли доки-унтеръ-офицеры изъ фехтовально-

гимнастическаго кадра, которые обучали въ то время гимнастигъ массу нашихъ войскъ.

Надо отдать справедливость этимъ докамъ: весь теперешній успѣхъ солдата въ гимнастикѣ они вынесли положительно на своихъ плечахъ. Можно сдѣлать развѣ одно предположеніе, что даже безотчетное участіе офицеровъ въ занятіяхъ гимнастикой возбуждало въ солдатѣ охоту къ этому занятію.

Совсѣмъ другая участь постигла фехтованіе. Въ немъ офицеры совершенно не участвовали: фехтованію учили одни кадровые унтеръ-офицеры, безъ всякаго отчета въ этомъ обученіи передъ ближайшимъ начальникомъ солдата, безъ всякой даже критической оцѣнки со стороны начальниковъ, такъ что теперь трудно уловить моменты развитія фехтовальнаго искусства въ массѣ нашихъ войскъ, и приходится судить о ходѣ этихъ занятій только по наличнымъ результатамъ.

Результаты очень печальные. Надо поистинѣ сказать, что масса нашихъ воиновъ, единица солдата, не обучена и въ настоящее время фехтованію. Солдатъ обучается, да вѣроятно и обучался, фехтовальнымъ приѣмамъ чуть ли не съ такимъ убѣжденіемъ, какъ и ружейнымъ приѣмамъ, съ тою только разницею, что послѣдніе онъ уже привыкъ уважать, а на первые смотрѣлъ сначала съ любопытствомъ и хотѣлъ понять ихъ назначеніе, но яснаго понятія не получилъ и оттого сталъ смотрѣть на нихъ съ недоувѣріемъ и дѣлалъ ихъ кое-какъ; поставленный же послѣ шести-семилѣтняго обученія на драку въ маскѣ и во всемъ фехтовальномъ нарядѣ стоялъ передъ противникомъ въ недоумѣніи, рѣшительно затрудняясь, съ чего ему начать, или вдругъ, безъ всякой причины, начиналъ отбивать ружье противника, когда тотъ стоялъ, тоже не зная, что дѣлать въ оборонительномъ положеніи. Это стремленіе „взять силою“ совершенно противно правиламъ фехтовальнаго искусства, то есть смыслу, и если въ противникахъ являлась хотя малѣйшая горячность (и за то спасибо), то дѣло всегда оканчивалось сокрушеніемъ фехтовальныхъ ружей вдребезги.

Причину такой тупости учениковъ не трудно объяснить. Кадровые унтеръ-офицеры фехтовались между собою очень порядочно даже на рапирахъ (*); при обученіи людей нѣкоторые изъ нихъ бойко выкрикивали команды, входили, что называется, въ огонь, что въ этомъ случаѣ имѣетъ свою хорошую сторону

(*) Несвоевременная затѣя.

Прим. авт.

какъ примѣръ, могущій непосредственно дѣйствовать на натуру солдата. Но, вѣроятно, немногіе изъ унтеръ-офицеровъ были способны передать нашимъ учителямъ сущность фехтовальной хитрости, потому что и сами не могли создать полной системы обученія изъ различныхъ приемовъ, которые исполнялись по командамъ: „отбей съ полукругомъ“, „вправо“, „влѣво“, или „перекинь штыкъ“, или „тройной переводъ вправо“. А между тѣмъ фехтованіе, подобно стрѣльбѣ, требуетъ сознательнаго пониманія и самостоятельнаго обсуждения; обученіе фехтованію должно прежде всего представлять для солдата теорію, раздѣляемую на части его собственнымъ умомъ и его же собственнымъ умомъ связывающую всѣ части въ одно цѣлое. И какъ теорія стрѣльбы, предназначенная для современнаго солдата, должна быть подведена подъ уровень его развитія и лишена всякихъ отвлеченностей, такъ и теорія фехтованія должна также отличаться не столько излишествомъ разнообразныхъ приемовъ, сколько совершенно толковымъ объясненіемъ тѣхъ изъ нихъ, которые ведутъ прямо къ дѣлу и имѣютъ между собою явную связь, не требующую долгихъ объясненій, которыя могутъ еще болѣе запутать солдата. При такой краткой теоріи можно было бы быть требовательнымъ къ нашимъ учителямъ унтеръ-офицерамъ: иначе, фехтованіе не можетъ обойтись безъ прямаго участія офицера, то есть ума, привыкшаго задавать себѣ вопросы. Я думаю, если бы офицеры показали участіе къ этой наукѣ съ самаго начала ея появленія въ войскахъ, то, вѣроятно, теперь успѣхъ фехтованія имѣлъ бы другіе результаты.

Но и офицеровъ въ этомъ случаѣ нельзя много винить. При новости предмета, желаніе обучиться ему не каждый могъ выказать въ такое время, когда офицеръ былъ убѣжденъ въ томъ, что, обучая солдата грамотѣ, онъ уже много дѣлаетъ для пользы человечества и личности солдата. Наконецъ, для того, чтобы выяснитъ сущность фехтованія изъ приемовъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ я упомянулъ, для этого надо дѣйствительно немало потрудиться.

Я не помню ни одной статьи въ „Военномъ Сборникѣ“, въ которой бы что-нибудь было заявлено о способахъ обученія фехтованію. Стрѣльба пошла у насъ въ ходъ очень быстро. О ней въ каждомъ номерѣ „Сборника“ что-нибудь да есть. Видимо, что ею много занимаются. Но не надо забывать, что

суворовская теорія о пулѣ и штыкѣ отвергается и въ наше время только наполовину, что если пуля и поумнѣла, такъ отъ этого штыкѣ вовсе не поглупѣлъ и заслуживаетъ нашего полного уваженія и вниманія, тѣмъ болѣе, что уронъ, производимый штыкомъ въ сраженіяхъ, далеко превосходитъ пулю по своему смертоносному дѣйствію.

Неудивительно, впрочемъ, что стрѣльбѣ отдается предпочтеніе въ нашей литературѣ. Стрѣльба олицетворенное спокойствіе, и ее легче созерцать умственнымъ путемъ шагъ за шагомъ. Уголъ отклоненія летящей пули всегда меньше отклоненія штыка, на самомъ дѣлѣ, и при такой подвижности штыка на близкомъ отъ насъ разстояніи далеко не такъ занимательно ловить его на теоріи, какъ пулю, которая, пролетѣвши, примѣрно 1,000 шаговъ, попадаетъ въ заранѣе назначенное для нея мѣсто.

Я потому именно и обратилъ вниманіе на фехтованіе на ружьяхъ, что эта часть обученія солдата менѣе другихъ разработана у насъ. Вышедшія въ 1861 году „Правила для обученія употребленія въ бою штыка“ не могутъ удовлетворять потребностямъ, въ этомъ случаѣ, современнаго офицера, по недостатку подробнаго указанія связи между фехтовальными приемами въ бою, а тѣмъ болѣе не могутъ удовлетворять потребностямъ солдата отъ избытка приемовъ и, кромѣ того, отъ незаконченности обученія, затемняющей для солдата цѣль, къ которой онъ долженъ придти, чтобы онъ могъ самому себѣ сказать, что окончилъ курсъ своего обученія.

Сократить требованія при обученія фехтованію и выяснить подробности выполненія этихъ требованій—вотъ цѣль моей теперешней статьи.

Я войду въ нѣкоторыя подробности, при рассмотрѣніи фехтовальныхъ дѣйствій потому именно, что хочу не только указать переходъ къ нѣсколько измѣненной системѣ обученія, мною предлагаемой, но и предоставить другимъ любителямъ фехтованія легчайшій способъ къ болѣе современному измѣненію старой системы обученія этому искусству.

II.

Нашъ „фехтовальный уставъ“—такъ я буду называть „Правила для обученія употребленія въ бою штыка“—обладаетъ тѣмъ достоинствомъ, что въ немъ кратко и ясно изложены выполненія частныхъ движеній штыка; кромѣ того, основанія,

которыми задался уставъ, исполнены во многихъ случаяхъ разумности и практичности. Я не говорю, конечно, о 3-мъ §, гдѣ сказано, что обученіе фехтованію должно непременно производиться попарно (т. е. поодиночкѣ съ учителемъ), а не шеренгами (еще бы!), но во 2-мъ § ясно указано очень простое и очень важное правило, что „обязанность обучать людей фехтованію лежитъ на тѣхъ же лицахъ, коимъ поручено одиночное строевое обученіе людей вообще“. Это правило ясно указываетъ: во-первыхъ, что фехтованію должна обучаться масса войскъ, а не отдѣльная команда, которую потомъ можно вывести на смотръ. Если изъ 100 человекъ будетъ 20 хорошихъ фехтовальщиковъ и 4 отличныхъ, то это далеко не то, если всѣ 100 человекъ будутъ достаточно обучены, потому что сила множится на массу. Во-вторыхъ, правило одиночнаго обученія устраняетъ изъ массы докъ, которые, въ противность воинской іерархіи, обучаютъ или самихъ старшихъ, или младшихъ помимо старшихъ, и старшій долженъ уступать младшему не въ физической силѣ, а просто въ знаніи солдатскаго дѣла. Первой докой между нижними чинами, во всемъ касающемся до службы солдата, долженъ быть офицеръ, и онъ, а не кто другой, долженъ сдѣлать такими же доками своихъ помощниковъ унтеръ-офицеровъ.

Здѣсь нельзя не прибавить, что лучше не учить рядовыхъ совсѣмъ, напримѣръ, цѣлый годъ, а заниматься этотъ годъ одними учителями, нежели поручать обученіе людей недоучившимся унтеръ-офицерамъ. Это большая ошибка во времени для достиженія успѣха. Учить чему-нибудь и какъ-нибудь—самая вредная сторона всякаго обученія, развивающая въ здравомыслящемъ солдатѣ неохоту къ ученью, а въ лѣнливомъ—удовольствіе ничего не дѣлать.

Но обратимся къ уставу.

Тамъ, между прочимъ сказано: „описаніе правилъ употребленія штыка въ бою служить только *приблизительнымъ* указаніемъ для начинающихъ обучаться; при дальнѣйшихъ упражненіяхъ, когда обучаемые поймутъ цѣль каждаго дѣйствія, слѣдуетъ предоставить исполнять эти дѣйствія какъ кому удобнѣе“. Кромѣ того, въ концѣ § 1-го требуется, чтобы движенія тѣла и штыка производились „съ возможною быстротою и смѣлостію, обращая на эти послѣднія условія болѣе вниманія, нежели на самую правильность упражненій“.

Основанія совершенно разумныя: приблизительная подготовка къ бою и смѣлость въ бою. Фехтованіе не можетъ дать иныхъ правилъ, какъ приблизительныя, вслѣдствіе разнообразнѣйшихъ движеній штыка. (Обученіе, напримѣръ, стрѣльбѣ имѣетъ одну ясную, совершенно опредѣленную цѣль—сдѣлать изъ человѣка неподвижный станокъ.)

Требованія смѣлости и быстроты въ бою тоже вещь понятная. Но что значить „исполнять эти дѣйствія какъ кому удобнѣе?“ И что значить „обращать болѣе вниманія на смѣлость и быстроту, нежели на самую правильность упражненій“? Замѣтимъ, что § 32 также противорѣчитъ этому требованію.

Одна изъ причинъ неуспѣха войскъ въ искусствѣ фехтованія—какъ я уже говорилъ—неопредѣленность требованій. Безъ ясности требованія не могутъ исполняться въ массѣ съ успѣхомъ. Если дѣло идетъ не объ искусствѣ фехтованія, а только объ обученіи этому искусству, то требованія частныхъ уже не могутъ быть приблизительными, и пока идетъ обученіе, въ немъ ничего не должно предоставлять на произволъ удобства обучаемой личности, потому что всѣ эти удобства должны быть выработаны уставомъ и ясно доказаны обучающемуся, что они удобны и удобнѣе быть не могутъ. Отсюда являются неизбѣжность правильности движеній во весь курсъ обученія и твердость въ требованіи правильности. Быстрота движеній тоже часть правильности. Что же касается до смѣлости движеній въ вольномъ бою, то она уже есть прямое слѣдствіе правильности и извѣстной законченности обученія: когда дерущійся впередъ знаетъ что ему надо дѣлать, и только слѣдить, чтобы не упустить времени примѣнить свое знаніе къ дѣлу; когда въ немъ самомъ есть убѣжденіе, что онъ обученъ фехтованію и что его промахи дѣло частныхъ, которыхъ онъ самъ не углядѣлъ и которые на будущее время надо принять къ свѣдѣнію. При такомъ убѣжденіи солдатъ практикуется въ драгъ всю свою службу, но не учится всю свою службу, и фехтованіе въ массѣ является самымъ легкимъ и пріятнымъ развлеченіемъ для солдата. Эту послѣднюю цѣль имѣлъ, кажется, и уставъ, говоря о приблизительности указаній для начинающихъ обучаться; но слова „какъ кому удобнѣе“ указываютъ—какъ я уже сказалъ—на несостоятельность требованій, и вредъ такой несостоятельности самымъ явнымъ образомъ обнаружился на опытѣ. Уставъ требуетъ

много, и оттого (къ счастью, прибавлю) требованія его слабы. Очевидно, что онъ требуетъ еще нѣкоторой разработки.

Самое живое мѣсто изъ тѣхъ выписокъ, которыя я представилъ, это слова: *когда обучаемые поймутъ цель каждаго дѣйствія*. Слова эти относятся прямо къ дѣлу, къ частностямъ обученія. Спрашивается: когда ученики поймутъ это, много ли далъ уставъ для этой цѣли?

Чтобы яснѣе отвѣтить на вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для ссылокъ въ нашей статьѣ, выпишемъ изъ устава всѣ требованія его или такъ называемыя команды.

- № 1—къ бою готовься.
- № 2—коли или выпадъ.
- № 3—шагъ впередъ.
- № 4—шагъ назадъ.
- № 5—двойной шагъ впередъ.
- № 6—двойной шагъ назадъ.
- № 7—съ шагомъ впередъ перемѣни стойку.
- № 8—съ шагомъ назадъ перемѣни стойку.
- № 9—перекинь штыкъ.
- № 10—направо.
- № 11—налѣво.
- № 12—коли, скачокъ назадъ, коли.
- № 13—отбей влѣво.
- № 14—отбей вправо.
- № 15—отбей съ полукругомъ вправо.
- № 16—отбей съ полукругомъ влѣво.
- № 17—отбей съ полукругомъ влѣво, вправо.
- № 18—отбей съ полукругомъ вправо, влѣво.
- № 19—отбей вверхъ.
- № 20—переводъ вправо.
- № 21—переводъ влѣво.
- № 22—двойной переводъ слѣва.
- № 23—двойной переводъ справа.
- № 24—тройной переводъ вправо.
- № 25—тройной переводъ влѣво.
- № 26—два круга вправо.
- № 27—два круга влѣво.
- № 28—переводъ, два круга влѣво.
- № 29—переводъ, два круга вправо.

Итого 29 приемовъ, которые надо разучить каждый от-

дѣльно, объяснить ихъ назначеніе, цѣль каждаго дѣйствія и между которыми, наконецъ, надо найти—положимъ, офицеру—связь и объяснить эту связь, положимъ, хоть унтеръ-офицеру.

Самый понятный для солдата приемъ „коли“, № 2. Смысл боевой стойки № 1 тоже ему объяснить не очень трудно. Движенія №№ 3, 4, 5, 6 и 12 солдатъ пойметъ не сразу, но они совершенно примѣнимы къ дѣлу, и, при помощи ясной предварительной теоріи фехтованія, ученикъ можетъ войти въ нѣкоторый вкусъ къ этому занятію. Но тутъ тотчасъ начинается переменна стоекъ (по нашему—фехтовальная ходьба) №№ 7 и 8, перекидка штыка № 9, повороты №№ 10 и 11, потомъ отбивы съ какими-то завитушками штыка и въ томъ числѣ отбивъ противъ удара сабли, № 19. Солдата заставляютъ дѣйствовать лѣвой рукой, когда ему удобнѣе дѣйствовать правой; солдата заставляютъ дѣйствовать въ стороны и назадъ, какъ будто бы съ нѣсколькими противниками, а ему еще предстоитъ учиться драться съ однимъ. Солдата учатъ мудренымъ отбивамъ, когда ему совершенно ясно, что для отраженія обыкновеннаго выпада достаточно сдѣлать одинъ самый простой отбивъ въ сторону. Затѣмъ уже, послѣ отбивовъ безъ всякой послѣдовательности, ему вдругъ командуются: *переводъ вправо* (№ 20) и послѣдующіе приемы, въ которыхъ внимательный умъ пойметъ, что это, такъ называемые, обманные удары съ кругами и безъ круговъ. Эти круги, эти длинныя однообразныя команды — то влево, то вправо—доводятъ солдата до того, что онъ не только путается при выполненіи каждаго отдѣльнаго приема, не только не понимаетъ связи между ударами и отбивами, но часто не видитъ даже разницы между ударомъ и отбивомъ. Гдѣ же тутъ требовать отъ солдата его собственной, удобной ему теоріи, откуда ему набраться той смѣлости и лихости, которыя тоже требуются уставомъ?

Итакъ, первыя переменныя, которыя слѣдовало бы сдѣлать въ „Правилахъ“, это—дать прежде всего положительныя правила для боя противу одного противника, и естественно обучать ударамъ прежде, чѣмъ отбивамъ; повтому №№ 7, 8, 9, 10 и 11, какъ нарушающіе связь между движеніями и ударами и отбивами, отнести къ концу устава, хоть бы, на примѣръ, къ § 38, гдѣ сказано о дѣйствіи нѣсколькихъ пѣхотинцевъ противу нѣсколькихъ таковыхъ же, а № 19 отнести къ § 37, гдѣ упоминается о дѣйствіи противу кавалериста.

Затѣмъ фехтовальныя дѣйствія расположатся въ такомъ порядкѣ и въ слѣдующемъ числѣ:

Боевая стойка и выпадъ—2, шаги и скачокъ—5, ударовъ (или пущъ пока обмановъ и ударовъ)—10, отбивовъ—6; всего 27.

Всѣ эти отдѣльные приемы надо умѣть соединить, чтобы драться съ противникомъ.

Для этой цѣли въ уставѣ помѣщена одна страничка, на которой изложено: „указаніе правилъ употребленія въ бою ударовъ, въ соединеніи съ движеніями, отбивами и обманами“.

Здѣсь сказано только, что упражненіе это надо производить въ такомъ порядкѣ, приблизительно (опять приблизительно):

1) Удары и отбивы просто съ мѣста; 2) обманы, отбивы и удары съ мѣста; 3) удары и отбивы съ движеніями; 4) удары, отбивы и отвѣты съ мѣста (*); 5) удары, отбивы и отвѣты съ движеніями; 6) обманы, удары, отбивы и отвѣты съ движеніями.

Больше ничего не сказано. Если произвести простое умноженіе показанныхъ обмановъ и ударовъ, отбивовъ и движеній, и если принять, что простые отбивы суть отбивы въ сторону безъ всякихъ завитушекъ, и что простыми отбивами отбиваются и простые удары, то есть обыкновенные выпадъ, то на первое упражненіе придется четыре фехтовальныхъ дѣйствія; на второе упражненіе, гдѣ отбиваются какіе-то обманы безъ ударовъ, придется 24 дѣйствія; на третье—33; на четвертое—7; на пятое—28; на шестое—35. Всего около 150 дѣйствій, которыя не мѣшаетъ и повторить если не разъ, такъ пожалуй и два раза. Я не хочу безъ надобности утомлять читателя ходомъ этихъ умноженій. Пусть читатель повѣритъ, что я, какъ имѣющій понятіе о фехтованіи, сдѣлалъ все, чтобы сократить въ этомъ умноженіи многіе множители, и въ представленныхъ численныхъ произведеніяхъ вижу крайнюю необходимость для выполненія предложенной уставомъ задачи. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ могутъ замѣтить, что я держусь буквы, что можно показать солдату часть этихъ дѣйствій, то есть „кое-что“, а остальное будетъ только слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ прежняго. Но, во-первыхъ, многимъ извѣстно, что „кое-что“ переходитъ въ ничто, а во-вторыхъ, если не буквально держаться устава, то нужно же чего-нибудь другаго крѣпко держаться, потому что массу людей нельзя учить шутя.

(*) Въ „Правилахъ“ опечатка: сказано съ движеніями.

Очевидно, что „Правила“ писаны для тѣхъ, кто очень хорошо знаетъ фехтованіе—то есть для тѣхъ, кому не нужно никакихъ печатныхъ правилъ—а вовсе не для тѣхъ, кому надо учиться, потому что въ нихъ не только частности фехтовальныхъ дѣйствій мало вяжутся между собою, но и впоследствии не показано связи, такъ что если бы офицеръ и вмѣстилъ въ себя 150 дѣйствій въ показанной системѣ, то унтеръ-офицеръ непременно въ нихъ запутался бы, хотя, по всей вѣроятности, ему никогда не приходилось слышать ни объ этой системѣ умноженія, ни о какой-либо другой, а учился онъ и училъ до сихъ поръ другихъ только одними отдѣльными приемами фехтовального устава.

Я не представлялъ подробностей приведеннаго умноженія еще по той причинѣ, что пропускалъ въ немъ множителей, которые ставили меня въ недоразумѣніе. Въ предлагаемой „Правилами“ системѣ упражненій обманы и удары представляютъ что-то равнозначащее. Что же, по „Правиламъ“, значить послѣ этого ударъ? Вѣроятно, обыкновенный выпадъ, а разные переводы и круги — это будутъ обманы. Положимъ, что и такъ. Но разрывать до такой степени связь между частностями движеній штыка въ то время, когда солдатъ занимается упражненіями, совершенно противно успѣху обученія, потому что нельзя себя представить, чтобы при началѣ обмана было въ головѣ дерущагося что-нибудь другое кромѣ удара. Наконецъ, самый обманъ есть уже ударъ, потому что при выдѣлкѣ обмана штыкъ всегда подается впередъ, и потому всѣ послѣдствія удара его, удача или неудача, зависятъ прямо отъ исполненія косвенныхъ движеній штыка, называемыхъ обманами.

При такомъ соединеніи понятій объ обманѣ и ударѣ въ нѣчто цѣлое, можно предложить уставу, при началѣ обученія отдѣльнымъ боевымъ приемамъ, ударамъ и отбивамъ, измѣнить слѣдующее на своихъ страницахъ:

1) Назвать это цѣлое, а равно и выпадъ, ударами съ соответствующими прилагательными, и тогда получимъ шесть главныхъ ударовъ: 1) прямой, 2) переводный, 3) двухпереводный, 4) трехпереводный, 5) двухкруговой, 6) переводный двухкруговой (*).

2) Команды: *влѣво, вправо, слѣва, справа*, при обученіи от-

(*) Переводъ и круги—этого не понимаю; кругъ и потомъ переводъ—понимаю; потому я назову для себя этотъ ударъ наоборотъ — двухъ круговой переводный.

мѣнить, такъ какъ при дракѣ никто не думаетъ, влѣво ли онъ отводитъ штыкъ, или вправо, а будетъ это дѣлать сообразно положенію штыка своего противника. Для приученія къ этому солдата (замѣчу: если только ученику нужна эта двойственность), обучающему слѣдуетъ назначать, какой ударъ сдѣлать, а штыкъ свой одинъ разъ держать вправо, другой разъ влѣво отъ штыка ученика. И тогда ученику останется только сообразить, въ какую сторону отъ ружья противника придется его штыкъ, когда концомъ своимъ ударить противника — что ученику и надо соображать, и очень естественно, что этого ему и нельзя не соображать. Такъ, двухпереводный ударъ придется противнику въ ту сторону, съ которой ученикъ держалъ свой штыкъ относительно штыка противника; круговой ударъ дѣлается всегда переводомъ штыка поверхъ штыка противника, такъ что если штыкъ былъ съ лѣвой стороны, то кругъ дѣлается вверхъ и вправо. И учитель при этомъ могъ бы сначала просто сказать: „дѣлай двухкруговой ударъ“, а потомъ, перенеся свой штыкъ на другую сторону, прибавилъ бы: „теперь тотъ же ударъ съ другой стороны“. Но... впрочемъ, объ этомъ *но* мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

3) Какъ прямое послѣдствіе такого измѣненія командныхъ словъ при обученіи ударамъ, отбивы должны подвергнуться тому же измѣненію. Отбивъ въ сторону („отбей вправо“, „отбей влѣво“) назвать *простымъ* отбивомъ, а въ какую сторону — это покажетъ положеніе штыка противника. Отбивъ съ полукругомъ назвать *полукруглымъ*, тоже безъ означенія стороны; третій отбивъ („отбей съ полукругомъ вправо“, „влѣво“, или „отбей съ полукругомъ влѣво“, „вправо“), какъ необычайно неясный на словахъ, но очень ясно представляющій соединеніе *двухъ* отбивовъ: полукруглаго и простаго (то есть полукруглый въ одну сторону, простой въ другую), назвать просто *двойнымъ* отбивомъ, опять не упоминая о сторонѣ.

Итого солдатъ будетъ учиться тремъ отбивамъ, которые суть:

1) Простой, 2) полукруглый и 3) двойной.

Отбивамъ этимъ слѣдуетъ обучать по тѣмъ же правиламъ, какъ и ударамъ.

Но что это за отбивы? Къ чему ихъ учить солдатъ? Въдь если поставить въ бой солдата совсѣмъ необученнаго фехтованію, но отъ природы ловкаго, то и онъ можетъ отбить не одинъ ударъ, но, естественно, будетъ дѣйствовать при этомъ прос-

тымъ отбивомъ, и только очень зорко наблюдать за движеніемъ штыка противника. А тутъ ему показываютъ какія-то неестественности, хитрости. Къ чему эти хитрости могутъ служить?

Въ уставѣ, правда, говорится о томъ, что „отбивы съ полукругомъ употребляются противу удара съ переводами“ (*) (§ 19), а про двойной отбивъ говорится, что онъ употребляется „когда противникъ, избѣжавъ отбива съ полукругомъ влѣво, хочетъ снова нанести ударъ въ правую сторону“.

Всѣ эти объясненія, едва приподнимая завѣсу связи ударовъ съ отбивами, требуютъ ужасной головоломки, и при объясненіи употребленія полукруглаго отбива противу переводныхъ ударовъ прежде всего является на сцену вопросъ: почему?

Положимъ, что это доказано. Ясно также, что простой отбивъ предназначенъ преимущественно для прямого удара. Тогда при объясненіи употребленія двойнаго отбива можно совершенно послѣдовательно сказать, что онъ употребляется противу трехпереводнаго удара и вполне ему соотвѣтствуетъ. И дѣйствительно, разбивъ трехпереводный ударъ на два: двухпереводный вмѣстѣ съ прямымъ, на него придутся два отбива: полукруглый и простой.

Такое назначеніе извѣстныхъ отбивовъ противу извѣстныхъ ударовъ будетъ выяснять солдату назначеніе хитрости отбивовъ. И потому уставъ слѣдуетъ дополнить яснымъ опредѣленіемъ:

4) Какой отбивъ противу какого удара назначенъ? На что можно отвѣтить чѣмъ-нибудь въ родѣ этого:

Простой ударъ требуетъ преимущественно простаго отбива; *переводный, двухпереводный, двухкруговой и переводный двухкруговой* требуютъ преимущественно полукруглаго; *трехпереводный* двойнаго.

Но для отвѣта на вѣроятный вопросъ: почему? слѣдовало бы ввести въ уставъ еще нѣкоторыя сокращенія, а именно:

5) А. *Трехпереводный ударъ* и затѣмъ соотвѣтствующій ему двойной отбивъ вовсе отмѣнить при обученіи солдата, по слѣдующимъ причинамъ: а) сдѣлать его быстро, какъ дѣйствительный ударъ, можно лишь легкою рапирою, а тяжелымъ ружьемъ нельзя, и во время выдѣлки его можно самому получить самый простой ударъ; б) если смотрѣть на трехперевод-

(*) Замѣтимъ еще разъ, что въ „Правилахъ“ отбивы разучиваются раньше ударовъ.

ный ударъ какъ на неудавшійся двухпереводный, который пришлось дополнить еще однимъ переводомъ, то таковымъ двумя ударами въ отдѣльности солдатъ будетъ и безъ того обученъ.

Второе объясненіе, подъ литерою б, соотвѣтственно относится и къ двойному отбиву.

Б. Отмѣнить также *переводный двухкруговой ударъ*, который я называю двухкруговымъ переводнымъ, что уже ясно показываетъ, что можно придумать множество всякаго рода случайныхъ ударовъ, которые только затемняютъ главную идею фехтованія.

В. *Двухкруговой ударъ* назвать просто *круговымъ*, не назначая числа круговъ, такъ какъ эти два круга очевидно надо дѣлать около штыка противника, и онъ вмѣсто того, чтобы любоваться на подобныя завитушки, опять поподчуетъ насъ своимъ прямымъ ударомъ въ то время, когда при производствѣ круга нашъ штыкъ отойдетъ въ сторону. Для того, чтобы при исполненіи нашего удара быть обезпеченнымъ отъ внезапнаго удара противника, необходимо постоянно имѣть штыкъ близко отъ ружья противника, чтобы, подавая его впередъ косыми движеніями, въ то же время вязать ружье противника, не предоставляя ему нигдѣ явнаго доступа для удара, по крайней мѣрѣ до той поры, пока мы нанесемъ ему ударъ. Поэтому, нанося круговой ударъ, при сказанныхъ условіяхъ, трудно сдѣлать не только два круга, но и одинъ полный кругъ, что можетъ быть только случайностію; при нормальномъ же движеніи этого удара—принимая во вниманіе что я уже сказалъ—штыкъ опишетъ половину и много три четверти круга (вообще неизвѣстно, какую дугу опишетъ штыкъ, пока достигнетъ противника), а потому и достаточно назвать этотъ ударъ просто круглымъ. Это будетъ своего рода переводный ударъ, только сверхъ ружья противника, а не подъ ружьемъ его.

ого, *отбивъ полукруглый* назовемъ просто *круглымъ*, такъ какъ онъ дѣйствительно круглый (это названіе слѣдуетъ принять для лучшаго отличія отъ удара круговаго), а не полукруглый.

Послѣ такихъ сокращеній мы будемъ имѣть только шесть боевыхъ приемовъ:

Удары: 1) прямой и 2) круговой (идущіе поверхъ ружья противника), 3) переводный и 4) двухпереводный (идущіе надъ ружьемъ противника).

Отбивы: 1) простой—противъ прямого удара, и 2) круглый—противъ остальныхъ ударовъ.

Вопросъ: почему отбивы назначены на извѣстные удары? я пока отлагаю. Теперь же скажу, что, назначая извѣстные отбивы на извѣстные удары, я дѣлаю это не для одного только объясненія солдату отношенія этихъ дѣйствій, чтобы онъ, напримѣръ, лучше запомнилъ частныя движенія штыка и усвоилъ бы хоть какую-нибудь систему, а дѣлаю потому, что такіе соотвѣтственные отбивы суть только естественное послѣдствіе всей теоріи, на которой можетъ быть основано фехтованіе. Эта теорія основана на томъ, что успѣхъ удара зависитъ отъ неправильностей противника, а успѣхъ отбива зависитъ только отъ нашей правильности, какъ бы противникъ правильно ни поступалъ. То есть, что при ударѣ надо пользоваться ошибками противника въ его стойкѣ и дѣйствіяхъ, а при отбивѣ надо только поступать по извѣстнымъ правиламъ. Теорія увѣренныхъ отбивовъ развиваетъ въ солдатѣ увѣренность въ себѣ и вслѣдствіе того и лихость и хладнокровіе въ бою — самыя дорогія качества солдата (*).

Стремленіе къ ясной опредѣленности отношеній между ударами и отбивами ведетъ еще къ большому сокращенію числа отдѣльныхъ приемовъ, что всегда благоприятствуетъ успѣху обученія. Дальнѣйшее сокращеніе можно сдѣлать на томъ основаніи, что правила боевой стойки требуютъ, совершенно-основательно, чтобы штыкъ бойца былъ у него противу лѣваго глаза; слѣдовательно, при дракѣ двухъ противниковъ штыки у каждаго изъ нихъ будутъ по лѣвую сторону отъ штыка противника, то есть, что проекціямъ ружей двухъ противниковъ на горизонтальной плоскости будутъ двѣ параллельныя линіи, оконечности которыхъ представятъ положеніе плечъ дерущихся.

Если бы одинъ изъ дерущихся сдѣлалъ ошибку и перенесъ свой штыкъ правѣе штыка противника, а другой, соблюдая правила стойки, оставилъ ружье въ томъ же положеніи, то, очевидно, этому второму стоить только сдѣлать прямой ударъ, чтобы поразить противника. И такъ какъ гораздо легче научить солдата правильной стойкѣ, нежели предпринимать обученіе

(*) Вообще замѣтимъ, что фехтованіе и кромѣ того полезно для солдата во многихъ отношеніяхъ, и какъ гимнастика, и какъ способъ къ умственному развитію, потому что объясненія частныхъ фехтованій могутъ подать поводъ къ разумному разговору офицера съ солдатами.

его ударамъ съ двухъ сторонъ и тѣмъ затемнять дѣло, то и предлагается:

б) Обучать ударамъ только въ томъ случаѣ, когда штыкъ противника находится съ лѣвой стороны штыка обучающагося.

Слѣдуетъ войти въ нѣкоторыя подробности по этому предложенію:

а) *Прямой ударъ* если и дѣлается при всякомъ удобномъ случаѣ, а потому и съ обѣихъ сторонъ ружья противника, то онъ такъ простъ и такъ разученъ при обученіи выпаду, что говорить о немъ много обучающемуся значить затемнять дѣло.

б) *Крутой* и в) *переводный* удары, какъ вообще оба переводные, при положеніи нашего штыка правѣе правильнаго положенія ружья противника (не говоря уже о томъ, что противникъ, какъ мы сказали, не дастъ намъ дѣлать переводовъ, а ударить насъ прямымъ ударомъ), выйдутъ въ сущности не переводные, потому что не будутъ переведены подъ рукою противника (въ каковой внезапности и состоитъ суть переводнаго удара). Если мы переведемъ его близко около противника, то дальше, лѣвѣе (отъ насъ) ружья противника, придется бить воздухъ. Если же перевести штыкъ у штыка противника, то это будетъ то же самое, если бы ученикъ, помня правила стойки и увидавъ, что штыкъ его перешелъ на правую сторону штыка противника, постарался бы поскорѣе перевести штыкъ влѣво для личной защиты и потомъ вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ бы правильный прямой ударъ поверхъ ружья противника.

г) При *двухпереводномъ* ударѣ, когда нашъ штыкъ правѣе штыка противника, мы сами наткнулись бы на штыкъ противника, потому что били бы его въ ту сторону (въ правую отъ насъ), которая закрыта преимущественно его штыкомъ.

Вообще, если нашъ штыкъ окажется на правой сторонѣ штыка противника, то намъ надо думать не о нападеніи, а прежде всего о собственной защитѣ, и тотчасъ же перевести штыкъ влѣво.

Итакъ, четырехъ ударовъ не слѣдуетъ разучать на разные лады, и вмѣсто восьми приѣмовъ (на обѣ стороны) ихъ останется четыре.

При обученіи отбивамъ можно бы скорѣе оставить отбивы съ обѣихъ сторонъ для частныхъ случаевъ. Но всѣ частности слѣдовало бы оставить на долю обучающагося, когда онъ уже

усвоить себѣ твердыя и надежныя начала фехтовальнаго искусства.

а) Мы уже не разъ говорили о томъ, что прямой ударъ можетъ послѣдовать и съ лѣвой стороны нашего штыка, если мы переведемъ свой штыкъ вправо. Такое положеніе нашего штыка есть ошибка, которой надобно избѣгать, а умѣя отбивать круглымъ отбивомъ *влѣво*, у ученика очень ясно является понятіе и о простомъ отбивѣ въ ту же сторону: стало быть, и при прямомъ ударѣ не слѣдуетъ его путать разнообразіемъ отбивовъ.

б) Круговой ударъ, по неопредѣленности его цѣли, есть одинъ изъ отличнѣйшихъ ударовъ вообще. Обходя ружье противника сверху, онъ нажимаетъ въ окончательномъ его движеніи тамъ, гдѣ штыкъ упрется въ грудь противника, и если онъ сдѣлаетъ полукругъ, то это будетъ то же, что и переводный ударъ, судя по точкѣ удара. А если сдѣлать около цѣлаго круга, то это будетъ двухпереводный ударъ, и потому способъ его отбива мы будемъ видѣть при отбивахъ переводнаго и двухпереводнаго ударовъ, хотя круговой ударъ частнымъ образомъ можетъ быть отбитъ и простымъ отбивомъ не только въ стороны, какъ и всякій другой, но и вкось, вверхъ и внизъ.

в) Переводный ударъ, выходя штыкомъ въ лѣвую нашу сторону, давить на наше ружье вправо (относительно насъ), и его прекрасно можно бы отбить круглымъ отбивомъ *вправо*, начавъ движеніе этого отбива въ то время, когда ружье противника перешло по лѣвую сторону нашего ружья; но подобный моментъ можно сравнить съ тѣмъ моментомъ, когда противникъ дѣлаетъ намъ прямой ударъ, о которомъ мы сказали, что круглымъ отбивомъ его отбить нельзя; здѣсь же это тѣмъ болѣе неисполнимо, что послѣ переноса ружья противникомъ штыкъ его будетъ на половину разстоянія отъ нашей груди. Поэтому нормальный способъ отбива переводнаго удара въ концѣ его будетъ простой отбивъ *влѣво*, хотя не съ тѣмъ успѣхомъ, если бы мы изловчились отбить его вправо; но простаго отбива *влѣво* тутъ нельзя принять за увѣренный отбивъ, потому что неизвѣстно, окончитъ ли противникъ свой ударъ однимъ переводомъ, не сдѣлаетъ ли онъ другаго перевода: тогда отъ простаго отбива намъ приключится великая бѣда.

Итакъ, при отбивѣ переводнаго удара надо прежде всего бояться двухпереводнаго, и потому переводный, равно какъ и

круговой, отбивать такъ же, какъ и двухпереводный. О круговомъ ударѣ мы уже сказали, что точка его удара при полномъ кругѣ можетъ соответствовать точкѣ двухпереводнаго удара.

г) Двухпереводный ударъ замѣчателенъ тѣмъ, что прямо требуетъ круглаго отбива, что, при быстротѣ его молніевиднаго направленія, при его правильности, его нельзя отбить простымъ отбивомъ, а напротивъ всякое стремленіе отбить его такимъ образомъ только помогаетъ успѣху удара. Дѣйствительно, вначалѣ его не поймашь; при первомъ переводѣ прямой отбивъ ведетъ къ нашей гибели, при второмъ переводѣ придется отбивать штыкъ противника чуть не замкомъ нашего ружья, и, притомъ, въ то время, когда штыкъ будетъ уже у нашей груди. Это выгода двухпереводнаго удара. Но, въ то же время, этотъ ударъ: 1) при послѣднемъ переводѣ надавливаетъ въ нашу лѣвую сторону (если противники были оба на правильной стойкѣ); 2) требуетъ нѣкотораго времени для исполненія и оттого вполнѣ дозволяетъ сдѣлать отступленіе и отбить его круглымъ отбивомъ влѣво, и отбить съ тѣмъ успѣхомъ, который даетъ намъ возможность перейти въ наступленіе, если, не занимаясь разсужденіями въ критическія минуты, мы начнемъ производство отбива при началѣ выдѣлки удара.

Казалось бы, что, при такихъ увѣренныхъ отбивахъ, ни одинъ ударъ не будетъ имѣть успѣха. Но полная безошибочность и совершеннѣйшая быстрота суть идеалы, до которыхъ человѣкъ, какъ и до всякихъ идеаловъ, окончательно не дойдетъ, между тѣмъ какъ тѣ же быстрота, неожиданность и неопредѣленность направленія удара, во многихъ случаяхъ, перевѣшиваютъ это дѣйствіе надъ дѣйствіемъ отбива.

Слѣдовательно, двухпереводный ударъ и неуверенность, что круглый и переводный удары окончатся не двухпереводными, ведетъ къ тому, чтобы всѣ эти три удара отбивались *однимъ круглымъ отбивомъ влѣво*, съ отклоненіемъ или даже движеніемъ назадъ, начиная движенія штыка и тѣла одновременно съ намѣреніемъ противника сдѣлать ударъ. Тогда будутъ отбиты съ особеннымъ успѣхомъ (для перехода въ нападеніе): а) двухпереводный ударъ и б) круглый, когда успѣетъ описать полный кругъ, и будутъ отбиты покрайней мѣрѣ для защиты: а) круглый, когда опишетъ полукругъ, и б) переводный ударъ. Простымъ же отбивается только прямой ударъ вслѣдствіе бы-

строты послѣдняго, и хотя вправо, какъ мы уже говорили, но довольно успѣшно.

Понятно, что у ученика можетъ быть тотъ моментъ, когда его штыкъ будетъ правѣе штыка противника и когда тотъ дѣлаетъ уже нападеніе. Желая защитить себя правильною стойкою, онъ переноситъ свой штыкъ влѣво и при ударѣ противника отбиваетъ его простымъ отбивомъ вправо. Все это движеніе вмѣстѣ составляетъ круглый отбивъ вправо, который дѣлается какъ естественное послѣдствіе знанія правилъ стойки, и обучать этому нѣтъ надобности. Точно также можно простымъ отбивомъ безъ всякаго расчета отбить, между прочимъ, какой угодно ударъ. Но это не можетъ относиться къ теоріи, а потому и къ требованіямъ.

И опять напомню, что если бы не по нашей ошибкѣ штыкъ противника оказался лѣвѣе нашего (относительно насъ), то и отбивать тутъ нечего и надо дѣлать прямой ударъ.

Все это ведетъ къ тому, о чемъ уже было говорено выше, а именно: слѣдуетъ обучать простому отбиву *вправо* и круглому *влѣво*. На практикѣ же, конечно, не слѣдуетъ обозначать стороны. Ученикъ, по командѣ: „дѣлай такой-то отбивъ“, уже долженъ знать, какимъ образомъ сдѣлать его.

Такое сокращеніе отбивовъ почти необходимо, потому что солдатъ, путаясь въ разнообразіи, дѣлаетъ, напримѣръ, круглый отбивъ не перенося своего штыка на другую сторону ружья противника, а описываетъ кругъ внизу ружья противника и отбиваетъ съ той же стороны, съ которой можно было отбить ударъ и простымъ отбивомъ.

Предположимъ, что солдатъ обучился ударамъ, а потомъ научился отбивать ихъ. Что же ему надо дѣлать дальше? Очень понятно, ему надо воспользоваться успѣшнымъ отбивомъ и отвѣчать противнику ударомъ, и, притомъ, послѣшнимъ ударомъ.

Нашъ уставъ не придалъ значенія отвѣтнымъ ударамъ, между тѣмъ какъ они непосредственное слѣдствіе успѣшнаго отбива и послѣдствіе быстрое, неминуемое, которое должно быть всегда въ рукахъ у солдата наготовѣ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій. И потому солдату должны быть даны на этотъ случай ясныя правила.

Прежде всего надо взять въ условіе быстроту отвѣтнаго удара. Этому условію болѣе удовлетворяютъ прямой и пере-

водный удары, нежели два другіе, и потому за отвѣтные удары мы и примемъ: *прямой* и *переводный*.

Отбивовъ у насъ два: *прямой* и *круглый*. Слѣдовательно, остается только рѣшить: какой отвѣтный ударъ лучше нанести послѣ сдѣланнаго нами извѣстнаго отбива?

Для рѣшенія этого вопроса мы опять войдемъ въ положеніе противника. Понятно, что если мы отбили ударъ противника, то есть отбросимъ его штыкъ въ сторону и тѣмъ откроемъ его самого, то онъ постарается тотчасъ же принять нормальное положеніе и съ усиліемъ отмахнетъ ружьемъ въ противную сторону, то есть: если мы отобьемъ его вправо, то онъ отмахнетъ своимъ ружьемъ влѣво, и обратно, при чемъ снова можетъ нѣсколько открыть себя съ другой стороны.

На этомъ основаніи, такъ какъ прямой ударъ довольно успѣшно отбивается нами вправо, то противникъ, отмахивая ружье влѣво (относительно насъ), откроетъ себя съ правой стороны; но такъ какъ наше ружье останется все же лѣвѣе его ружья, то, очевидно, надо сдѣлать быстрый переводъ штыка вправо, то есть послѣ простаго отбива отвѣчать переводнымъ ударомъ.

Круговой и переводные удары отбиваются влѣво круглымъ отбивомъ, и казалось бы, вслѣдствіе предъидущаго разсужденія, надлежало бы отвѣчать переводнымъ ударомъ вправо; но этого нельзя, потому что: во-первыхъ, ружье вещь тяжелая, и послѣ такого движенія, какъ круглый отбивъ, трудно сдѣлать ружьемъ зигзагъ внизъ для перевода съ быстротой, требуемой отвѣтнымъ ударомъ; а во-вторыхъ, мы уже помнимъ, что круглый отбивъ съ особеннымъ успѣхомъ отбиваетъ удары въ двухъ случаяхъ, именно дѣйствуя противъ двойнаго перевода и полнаго круга, когда отмахъ ружья противника бываетъ на столько великъ, что онъ открываетъ себя совсѣмъ для прямого удара. Въ остальныхъ же случаяхъ (переводъ и неполный кругъ) отбивъ бываетъ не на столько успѣшенъ (ибо круглый отбивъ всегда, относительно силы, слабѣе простаго), чтобы можно было даже расчитывать всегда на отвѣтъ какой бы то ни было, и прямой, и переводный. Поэтому послѣ круглаго отбива слѣдуетъ отвѣчать, вообще говоря, прямымъ ударомъ, что вполнѣ соответствуетъ ошибочному отклоненію противникомъ своего штыка влѣво.

Когда солдатъ уразумѣлъ три эпохи боя: *ударъ, отбивъ* и

отельтэ, главная часть обученія пройдена. Настаютъ учебныя упражненія.

Упражненія эти въ уставѣ, кромѣ неопредѣленности, о которой мы уже говорили, затемяются движеніями (тѣла). Конечно, учитель, видя неправильность или неловкость какого-либо движенія ученика, можетъ замѣтить это ему между прочимъ; но ввести движенія въ систему значитъ безъ пользы затруднять учителя и забивать всякую самостоятельность въ ученикѣ, потому что движенія въ бою могутъ быть разнообразнѣйшія и сами по себѣ правильныя, если ученику дано твердое основаніе въ главнѣйшихъ изъ нихъ, назначеніе которыхъ онъ долженъ хорошо понимать и вполнѣ практически усвоить себѣ. Съ этою цѣлю обученіе движеніямъ должно быть закончено упражненіями, предназначенными исключительно для нихъ. А потомъ, когда солдатъ начинаетъ уже обучаться бою, то есть ударамъ, отбивамъ и отвѣтамъ, всякое прямое отношеніе къ движеніямъ должно быть оставлено, и на нихъ, между прочимъ, обращается вниманіе при упражненіяхъ только тогда, когда ученикъ видимо не воспользовался этими движеніями въ удобную для него минуту. Къ тому же, при обученіи закрытіямъ, совмѣстнымъ съ отбивами, о нихъ прямо упоминается. Соединять же боевыя упражненія съ упражненіями движеній и поставить эти упражненія въ требованія устава—рѣшительно невозможно, потому что это, во-первыхъ, переполнило бы курсъ фехтованія машинальностію, избытокъ которой вредно отразился бы на ученикѣ, между тѣмъ какъ машинальность можетъ быть доведена только до того пункта, пока учитель въ состояніи услѣдить за всей суммой разнообразныхъ движеній въ различные моменты, и пока воображеніе ученика можетъ совокуплять и разбивать на части эти моменты; во-вторыхъ, все стремленіе наше при обученіи солдатъ должно распространяться на обученіе *массы* людей, а масса эта совершенствуется учителями, для которыхъ, какъ я уже говорилъ, долженъ быть предѣлъ требованій, чтобы эти требованія были для нихъ уставомъ, строго ими выполняемымъ; чтобы уставъ не требовалъ особеннаго личнаго развитія.... Развитіе, въ свою очередь, мало нуждается въ уставѣ.

О ходѣ боевыхъ упражненій будетъ изложено мною въ главѣ объ обученіи фехтованію; здѣсь же замѣтимъ, что, вслѣдствіе явной и положительной связи между ударами, отбивами и от-

вѣтами, ходъ упражненій не можетъ затруднять ни учителя, ни ученика. Упражнениями я называю то, когда два ученика только подъ наблюдениемъ учителя исполняютъ взаимно то, что съ каждымъ учитель прошелъ по одиночкѣ. Такія упражненія начинаются съ простѣйшихъ и оканчиваются слѣдующимъ упражнениемъ: ученикъ № 1-й дѣлаетъ № 2-му ударъ, а № 2-й отбиваетъ ударъ, посылаетъ отвѣтъ, и № 1-й отбиваетъ отвѣтъ.

Когда это упражненіе исполнено удовлетворительно, то ученикъ оканчиваетъ курсъ обученія и идетъ въ „вольный бой“, въ которомъ можетъ упражняться всю свою жизнь. Солдаты, окончившій курсъ фехтованія, принадлежатъ къ 1-му разряду по этому предмету. На ученыхъ онъ совершенствуетъ себя практикою, пользуясь своими соображеніями и совѣтами опытнаго учителя. Болѣе успѣвшіе изъ этого разряда выбираются для боя на призы, что можетъ сильно подвинуть впередъ наше фехтовальное искусство.

Учениками 2-го разряда могутъ считаться тѣ, которые начали обучаться ударамъ. 3-й разрядъ учится первоначальнымъ движеніямъ, такъ сказать азбукѣ боя.

Эта азбука боя есть важная статья въ обученіи фехтованію. Это—подготовленіе и залогъ будущаго успѣха. Тутъ солдатъ развивается тѣлесно, учится ловкости, размашистости и въ то же время сдержанности. Поэтому, если солдату, занятому службой, предназначено обучиться въ продолженіе двухъ лѣтъ, то весь первый годъ долженъ быть отданъ на ловкое выполненіе всего, что приходится знать до боевыхъ приемовъ.

Основаніемъ фехтованію, какъ и всякимъ тѣлеснымъ упражненіямъ, служитъ *стойка*. Мы видѣли и при выполненіи взаимнаго отношенія ударовъ и отбивовъ, какъ важна эта стойка или, говоря иначе и лучше, *закрытіе*, и потому эта статья должна быть началомъ обученія.

Послѣ закрытія должно слѣдовать понятіе объ ударѣ или выпадѣ, который незачѣмъ называть выпадомъ, а просто ударомъ, переименовывающимся потомъ въ простой или *прямой* ударъ, для отличія отъ другихъ, имѣющихъ обманчивое или менѣе опредѣленное направленіе. При различіи словъ, солдатъ какъ-то путается въ совмѣщеніи одного и того же понятія.

Послѣ закрытія и *понятія* объ ударѣ солдатъ учится движеніямъ, какъ при закрытіи, такъ и по основательномъ изученіи удара совмѣстно съ этимъ послѣднимъ и нѣкоторыми

другими дѣйствіями (отклоненіями, пользу которыхъ мы уже видѣли). Движенія намъ извѣстны: шаги и двойные шаги впередъ и назадъ, и скачокъ назадъ. Эти движенія мы тоже не оставимъ безъ вниманія.

Сознавая, что передвиженія могутъ быть необходимы въ бою, не надо забывать, что всякое передвиженіе имѣетъ и свои неудобства, не говоря уже о нѣкоторомъ развлеченіи бойца при движеніи, между тѣмъ какъ у него должна быть одна цѣль, къ которой онъ стремится: грудь противника. Изъ этого только ясно, что движенія должны быть совершенно усвоены ученикомъ, чтобы онъ потомъ дѣлалъ ихъ не думая о нихъ. Но главное неудобство передвиженія—это моменты нѣкоторой нетвердости: ими противникъ можетъ воспользоваться и сбить насъ совершенно съ ногъ.

Понятно, что первое дѣло въ фехтовальномъ бою *не упасть*, и предѣлы фехтовальнаго искусства должны принять границею непремѣнно это условіе, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Второе условіе, совмѣстно съ первымъ — довести себя до того, чтобы при передвиженіяхъ какъ можно меньше измѣнять выгодное положеніе боевой стойки, то есть чтобы самое передвиженіе представляло бойца какъ-будто не двигающагося, а передвинутаго помощію, напримѣръ, доски, на которой онъ стоитъ. Для сохраненія при передвиженіяхъ твердости, наблюдаемой въ стойкѣ, необходимо: а) дѣлать передвиженія возможно быстро, чтобы противникъ не засталъ насъ при исполненіи движенія; б) если бы онъ и засталъ насъ при исполненіи движенія, надо знать средства, дающія возможность устоять и при такой нечаянности. Для этого движенія должны быть тверды (липки къ землѣ), чтобы при производствѣ ихъ подошва ступни человѣка мало отдѣлялась отъ земли.

Движенія вообще должны быть быстры, тверды и не измѣнять правильную стойку. Все это можетъ быть исполнено лишь тогда, когда передвиженія не велики.

Принявъ высказанное въ соображеніе, мы видимъ, что двойной шагъ, нынѣ у насъ употребляемый, не удовлетворяетъ условіямъ надежнаго передвиженія. При движеніи этимъ шагомъ впередъ или назадъ, одна нога заходитъ за другую, отчего боецъ можетъ зацѣпиться ногой за ногу, споткнуться и даже упасть. Сверхъ того, движеніе это отъ неустойчиваго положенія ногъ, при первой постановкѣ ногъ одной около дру-

гой въ переплеть, похоже на эквилибристическій скачокъ, а не на шагъ. Вообще трудно себѣ представить, къ чему можетъ служить подобное движеніе; развѣ для того, чтобы при движеніи впередъ самому сильнѣе наткнуться на штыкъ хладнокровнаго противника, или для того, чтобы, отступая отъ него, упасть. Солдатъ, очень понятно, въ бою никогда подобныхъ движеній не дѣлаетъ; обыкновенно онъ, даже гоня отступающаго противника, передвигаетъ заднюю ногу не далѣе каблука передней ноги, затѣмъ тотчасъ же подвигаетъ переднюю, а назадъ—обратно. Такое движеніе и надо принять за основаніе движеній шагами, то есть чтобы эти движенія были отъ каблука до каблука. И здѣсь могутъ быть два случая, смотря по надобности: сдѣлать ли полное движеніе, или часть его. Вотъ, по нашему мнѣнію, всѣ движенія.

Въ уставѣ движеніе одиночнымъ шагомъ отличается отъ движенія двойнымъ шагомъ уже и потому, что движеніе одиночнымъ шагомъ начинается съ той ноги, которая обращена къ сторонѣ движенія, а при движеніи двойнымъ шагомъ — наоборотъ. Такъ, напримѣръ, движеніе назадъ при двойномъ шагѣ начинается съ передней ноги, а движеніе назадъ однимъ шагомъ начинается съ задней ноги. Такая двойственность, конечно, затрудняетъ солдата при обученіи, и совершенно бесполезно. Одиночный шагъ есть только половинный двойной шагъ, и дѣлается онъ по тѣмъ же правиламъ: только каблукъ одной ноги не приставляется къ каблuku другой, а останавливается на половинѣ разстоянія между ступнями ученика, когда онъ стоялъ на мѣстѣ; затѣмъ другая нога подается впередъ или назадъ на столько же. Движеніе одиночнымъ шагомъ показывается ученику для того, чтобы выяснитъ ему переходъ отъ малѣйшаго движенія къ полному двойному шагу. Такъ онъ можетъ сдѣлать четверть, треть или три четверти полнаго шага, смотря по тому, какъ укажетъ надобность въ бою.

Мало того, что эти однообразныя движенія легче при обученіи и практичны въ бою, они имѣютъ еще ту выгоду, что: 1) при движеніи назадъ отклоняютъ вмѣстѣ съ ногою и тѣло (движеніе назадъ того и требуетъ), а не наоборотъ, какъ приходится дѣлать, если начинать движеніе назадъ съ задней ноги, когда тѣло приходится передавать на переднюю ногу; 2) движеніе впередъ, начатое съ задней ноги, поражаетъ противника неожиданностію наступленія, что очень важно при нанесеніи

удара, который, при такомъ способѣ движенія, удобно сдѣлать одновременно и даже совмѣстно съ движеніемъ.

Предлагая подобную перемѣну въ способѣ движеній тѣла при фехтованіи, нельзя не предложить и слѣдующаго измѣненія. Такъ какъ двойной шагъ есть въ сущности просто одинъ шагъ (ибо ноги на стойкѣ раздвигаются на шагъ), а фехтовальный шагъ есть только полушагъ, то незачѣмъ сбивать солдата и на этомъ пустомъ обстоятельстве. Да и вообще лучше назвать эти движенія своимъ именемъ: „шагъ“ — *шагомъ*, а „полушагъ“ — *полушагомъ*.

Движенія, какъ увидимъ послѣ, могутъ быть на стойкѣ и при ударѣ. Движенія на стойкѣ употребляются какъ средство встать передъ противникомъ на надлежащее отъ него разстояніе, если разстояніе измѣнилось, и служатъ подготовленіемъ къ удару съ движеніями. Ударъ состоитъ изъ двухъ моментовъ: нападенія и быстрого закрытія, и потому движенія при ударѣ должны способствовать тому и другому. Понятно послѣ этого, что движенія впередъ должны быть разучены при нападеніи, а движенія назадъ при закрытіи. Конечно, можетъ быть случай, что и послѣ движенія назадъ придется сдѣлать ударъ, но это уже будутъ два отдѣльные движенія: а) движеніе назадъ на стойкѣ или при закрытіи съ удара и потомъ б) ударъ. И тутъ не можетъ быть мгновенія, требующаго особенно-быстраго перехода отъ движенія къ удару: на стойкѣ дѣлаютъ отступленіе для взятія удобнаго разстоянія къ противнику, а закрытіе съ движеніемъ, вслѣдствіе опаснаго нашего положенія передъ противникомъ, не допускаетъ возможности удара прежде, чѣмъ мы оправимся на стойкѣ. Движеніе впередъ при закрытіи также невысказано, если бы даже противникъ все отступалъ: тогда его слѣдуетъ догонять не штыкомъ, а пудей.

Принимая способъ движенія по правиламъ устава, нельзя сдѣлать того, что можно было бы назвать *ударомъ съ движеніемъ*. Тамъ приходится дѣлать два отдѣльные дѣйствія, одно послѣ другаго; на примѣръ: *шагъ впередъ* (стойка) и затѣмъ *выпадъ*. При этомъ движеніе нисколько не помогаетъ дѣйствию удара, ни впередъ, ни при закрытіи. Между тѣмъ, принимая въ основаніе изложенный здѣсь способъ движенія, самый ударъ (выпадъ) сливается съ движеніемъ, если, на примѣръ, дѣлая ударъ съ шагомъ впередъ, мы, поставивъ задній каблукъ къ

переднему, лѣвой ногой сдѣлаемъ неожиданный выпадъ. Эта неожиданность — важное обстоятельство, если къ ней приучить-ся. Точно также, дѣлая закрытіе съ шагомъ назадъ, мы сразу послѣ выпада становимъ лѣвую ногу къ каблuku правой и такимъ образомъ сразу отходимъ отъ штыка противника на далекое разстояніе.

Въ уставѣ это движеніе показано подъ видомъ скачка назадъ; но скачокъ долженъ быть исполненъ гораздо быстрее. Скачокъ дѣлается иначе и употребляется послѣ неудачнаго нашего удара при отчаянномъ отступленіи назадъ, когда уже нѣтъ другаго средства избѣжать удара противника и когда уже нечего думать о твердости движенія, а лишь бы отскочить подальше. Фехтовальное дѣйствіе въ уставѣ: „*коли, скачокъ назадъ, коли*“, рѣшительно не имѣетъ мѣста въ бою, потому что ударъ послѣ такого неспокойнаго движенія, какъ скачокъ, можетъ выразить только храбрость, за которую неминуемо надо поплатиться, а вовсе не искусство и знаніе.

Мы уже сказали о важности отклоненій. Они могутъ быть исполнены и на стойкѣ при отбивѣ, и при закрытіи на отбивѣ послѣ удара, и по своему направленію совершенно противоположны удару; а потому и обученіе имъ должно слѣдовать параллельно съ обученіемъ удару.

На основаніи всего нами сказаннаго, мы можемъ составить теорію обученія фехтованію. Теорія эта, какъ и всякая теорія для практическаго обученія, основана на слѣдующихъ требованіяхъ:

- а) Указать назначеніе каждаго дѣйствія.
- а) Показать, чего требуетъ каждое изъ этихъ дѣйствій.
- б) Обозначить команды для каждаго дѣйствія.
- в) Правила исполненія каждаго дѣйствія.
- г) Какъ дойти до легчайшаго усвоенія частныхъ каждаго дѣйствія.
- д) Какія могутъ быть упущенія со стороны ученика.
- е) На что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Штабсъ-капитанъ ГАЛИЦЕИ.

(Продолженіе будетъ.)